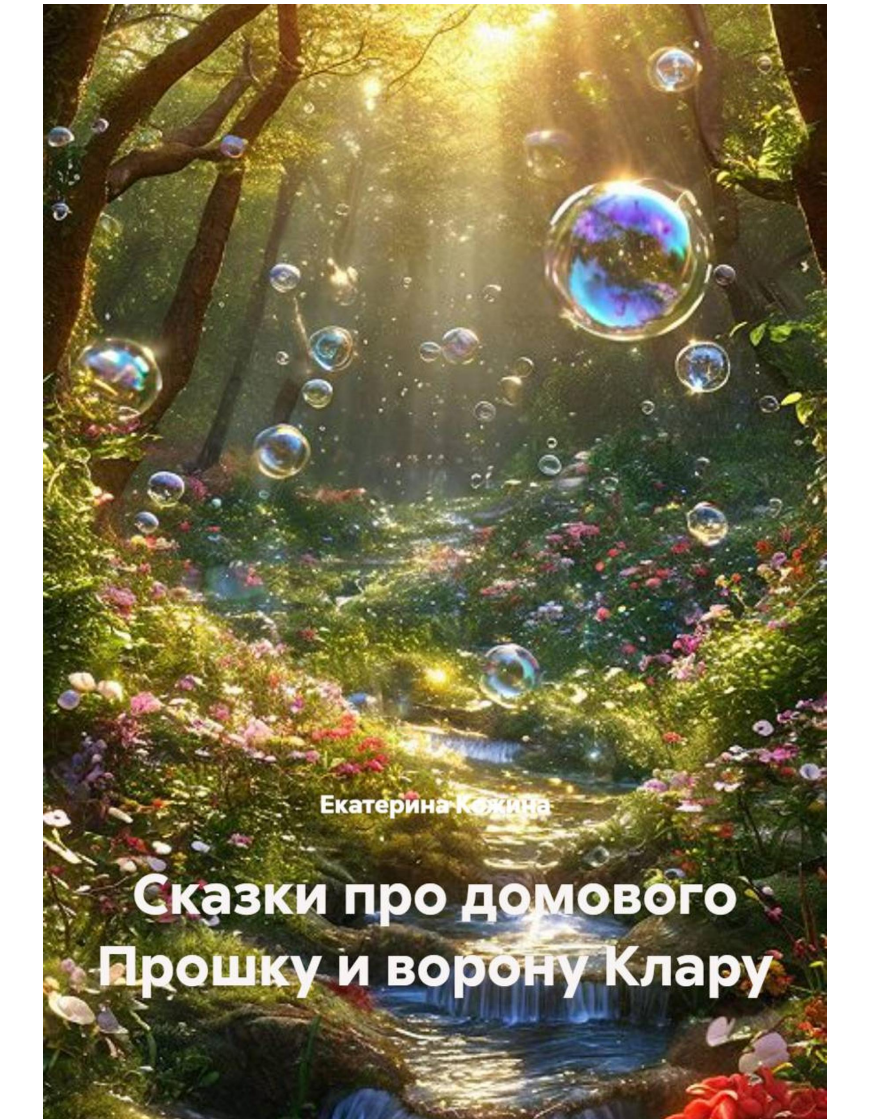

A vibrant, magical illustration of a forest scene. A stream flows through the center, surrounded by lush greenery and colorful flowers. Sunlight filters through the trees, creating a warm, golden glow. Numerous iridescent bubbles float in the air, reflecting the light and colors of the scene. The overall atmosphere is dreamlike and enchanting.

Екатерина Кожина

Сказки про домового Прошку и ворону Клару

Екатерина Кожина

Сказки про домового

Прошку и ворону Клару

<https://litres.ru/74380763>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сказки про ленивого домового Прошку и умную ворону Клару. О том что любой недостаток можно превратить в достоинство.

Содержание

Как Прошка на работу устраивался	4
Прошка и медвежья спячка	9
Как Прошка Кикимору напугал	13
Ворона Клара доставку открыла	17
Ворона Клара и царь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Екатерина Кожина

Сказки про домового

Прошку и ворону Клару

Как Прошка на работу устраивался

В одной глухой таежной деревушке, в старой-престарой избе у самой опушки, жил-был Домовой по имени Прошка. Ростом он был с валенок, борода растрепанная, из сухих еловых иголок, а кафтан — весь в заплатках. И была у Прошки одна большая беда, которую он сам считал своим главным достоинством — невероятная, богатырская лень.

Другие домовые по ночам мышей гонят, посуду моют, половицы смазывают, чтобы не скрипели, а Прошка устроится на печи за трубой, свернется калачиком и спит по двадцать часов в сутки. Из-за его лени изба совсем захудала: крыша покосилась, мыши в подполе устроили собственный оркестр, а печка так заросла сажей, что дымила прямо в горницу. В конце концов, хозяева не выдержали, собрали сундуки и уехали жить в город.

Остался Прошка один в пустой, холодной избе. Полежал он день, полежал два — скучно. Да и брюхо подвело: кара-

ваев-то на столе больше никто не оставляет, молочка в блю-
дечко не наливает. Понял ленивец, что надо искать новую
работу — устраиваться в жилой дом, где хозяева побогаче
да каша погуще.

Собрал Прошка свой узелок из старого носка и побрел по
деревне.

Приходит он к первому дому — к богатому Мельнику. На-
просился на постой. Мельник мужик строгий, говорит:

— Ладно, Прошка, живи в амбаре. Но уговор: ночью бу-
дешь жернова караулить, муку от сырости беречь и крыс го-
нать. Коли справишься — утром тебе миска сметаны поло-
жена.

«Ну, это работа не для меня», — подумал Прошка.
Первую же ночь он проспал на мешке с отрубями. Крысы
тем временем прогрызли три новых мешка, а жернова от на-
липшей грязи встали. Утром Мельник рассвирепел, схватил
метлу и погнал Прошку со двора:

— Лодырь! Тунеядец! Вон отсюда, чтоб я твоего носа
больше не видел!

Поплелся Прошка дальше. Приходит к деревенскому Куз-
нецу. Кузнец — парень веселый, плечи в сажени, молотом
машет, как пушинкой.

— О, Домовой! — обрадовался Кузнец. — Место у меня
есть, за печкой тепло. Твоя задача простая: следи, чтобы уг-
ли в горне за ночь не гасли, да мехи поддувай, когда я на
рассвете ковать начну.

В первую ночь Прошка честно пытался дежурить. Сел у горна, посмотрел на тлеющие угли... а они такие теплые, так убаюкивают! Заснул Прошка, да так сладко, что угли начисто погасли, а мехи он во сне вместо подушки использовал — всю кожу помял. Утром Кузнец пришел, схватился за голову: работы на целый день сорвано! Обиделся на Домового и выставил за порог.

Сидит Прошка на завалинке на краю деревни, узелок обнимает, плачет ленивыми слезами:

— Ох, пропал я, несчастный! Везде работать заставляют, лапами махать, ночью не спать. Неужто нет на свете такого места, где моя лень впрок пойдет?

Вдруг слышит — рядом кто-то тоненько так насвистывает. Огляделся — а на пеньке сидит муравей Тимка (тот самый, что Макару ложки делал да в лесу интернет проводил). Тимка как раз мимо шел, новые чертежи в блокноте рисовал.

— Чего горюешь, борода из иголок? — спросил Тимка.

Рассказал ему Прошка про свою беду: и есть хочется, и работать лень. Тимка поправил свои очки из смолы, посмотрел на Домового, померил его линейкой от макушки до пяток и говорит:

— Твоя лень, Прошка — это не беда. Это просто неправильно используемый ресурс! Пойдем со мной, я знаю, где ты хозяином станешь.

Привел Тимка Домового на самую окраину, к новой избе, которую только-только построили для молодого Охотника.

Охотник был парнем добрым, но до того суетливым и бедовым — ужас! Постоянно куда-то бежал, вещи терял, ружье забывал почистить, а в избе у него все ходуном ходило от вечной спешки.

— Вот, — шепчет Тимка Прошке. — Садись на печь и делай то, что умеешь лучше всего — ленись и замедляй странство.

Прошка залез за трубу, свернулся калачиком и сладко заснул. И в тот же миг в избе Охотника случилось чудо! Весь этот сумасшедший вихрь и суета вдруг утихли. Парень, который только что метался по горнице в поисках левого сапога, вдруг остановился, зевнул, присел на лавку и спокойно вспомнил, что сапог-то под крыльцом оставил.

А все потому, что Прошкина великая, густая лень, накопленная годами, разлилась по избе невидимым теплым киселем. Прошка спал — а вещи в избе перестали падать. Прошка ленился — а каша в чугушке перестала выкипать, потому что огонь под влиянием домового тоже стал ленивым, медленным, и каша томилась бережно. Даже мыши под полом, заразившись прошкинским настроением, перестали грызть плинтусы, а просто легли спать в норках под веселый храп из-за трубы.

Пришел Охотник вечером домой, сел к столу — в избе тишина, покой, каша упрела идеально, сапоги на месте. Душа радуется! Понял парень, что завелся у него правильный, мудрый Домовой. Налил он в расписное блюдечко жирного

молока, положил краюху сладкого пирога и поставил за печку:

— Спасибо тебе, хозяйюшка, за порядок и покой в доме.

Прошка ночью проснулся, молоко выпил, пирог съел, усы облизал и думает: «Вот она, идеальная жизнь! Я сплю, а мне за это спасибо говорят. Прав был Тимка — главное, правильное место для своего таланта найти!».

С тех пор так они и жили. Охотник перестал суетиться и стал лучшим стрелком в округе, Тимка-муравей записал в блокнот формулу «Коэффициента Полезной Лени», а Прошка до сих пор спит на той печке, оберегая домашний уют своим великим и мудрым спокойствием.

Прошка и медвежья спячка

Наступил ноябрь, и в таежный край пришла настоящая зима. Охотник целыми днями пропадал в лесу — проверял капканы да тропы, а Домовой Прошка, как и полагается настоящему специалисту по уюту, безвылазно сидел на теплой печи и ленился за двоих. В избе стояла такая сонная благодать, что даже часы-ходики на стене тикали в два раза медленнее обычного, чтобы не нарушать тишину.

Но в один из морозных вечеров покой был безжалостно нарушен. Дверь избы с треском распахнулась, и в горницу ввалился... огромный бурый Медведь. Был он лохматый, сердитый и страшно злой. А все потому, что этот медведь оказался шатуном: летом он недобрал жиру, вовремя в берлогу не лег, а теперь у него бока мерзли, в животе урчало, и спать хотелось невыносимо, да никак не засыпалось.

Медведь заревел на всю избу, стал крушить лавки и реветь дурным голосом:

— Р-р-р! Холодно мне! Скучно мне! Негде спать, всех ломаю!

Охотника дома не было. Прошка высунул нос из-за трубы, посмотрел на этот разгром и страшно возмутился. Что-бы в его идеальном, ленивом царстве так шумели и ломали мебель?! Это было прямым нарушением всех инструкций!

Силой против косолапого великана Прошка выйти, конечно, не мог — ростом-то с валенок. Но у Домового было оружие помощнее кулаков — его великий Потенциал Спокойствия.

— Эй, Топтыгин! — крикнул Прошка с печи. — Чего орешь, спать мешаешь? Коли пришел в гости, так води себя прилично. Садись к печке, в ногах правды нет.

Медведь от удивления аж реветь перестал. Сел на пол, уставился на маленького бородача. А Прошка не спеша слез с печи, подошел к медведю (тот под его ленивым взглядом даже лапой махнуть забыл) и набросил ему на нос старое, пахнущее хвойным дымом одеяло.

— На-ка вот, укутайся, — зевая, сказал Прошка. — И слушай меня внимательно. Будешь шуметь — каши не получу ни я, ни ты. А будешь лежать смирно — я тебе такой сон организую, какого ты с самого детства не видел.

Медведь понюхал одеяло, вздохнул тяжело и прилег у теплого печного бока. Прошка залез обратно на печь, устроился поудобнее и включил свою «Лень» на самую полную мощность.

Он стал транслировать наружу не просто спокойствие, а настоящую, концентрированную Зимнюю Спячку. Прошка закрыл глаза и стал мысленно представлять, как тихо-тихо падает пушистый снег, как укрывает он деревья белыми шубами, как засыпает под корягой старый барсук, и как сладко-сладко сосать лапу в теплой, уютной берлоге, где не дует

ветер.

Через пять минут медвежий шатун перестал бурчать. Через десять — его огромные веки стали тяжелыми, как амбарные замки. Густая, убаюкивающая лень Прошки окутала медведя, словно мягкое пуховое одеяло. Косолапый зевнул так, что чуть избу не перевернул, поудобнее уткнулся носом в лапу и... захрапел на все лады. Да так сладко, что у него на морде даже улыбка медвежья появилась.

Когда Охотник поздно вечером вернулся с промысла, он застыл на пороге с ружьем наперевес. Посреди горницы, свернувшись огромным калачиком, мирно спал спячкой праведника огромный лесной медведь, а из-за печной трубы раздавался мерный, довольный храп Прошки.

— Тише ты, не шуми, — прошептал Тимка-муравей, который как раз зашел через щель в полу замерить уровень уюта. — Прошка у нас теперь не просто Домовой, он у нас — Главный Лесной Сомнолог. Настроил мишке биологические часы без всяких лекарств.

Охотник ружье опустил, шапку снял и тихонько прошел к столу. Медведя будить не стали — будить спящего шатуна себе дороже. Так он в тепле и уюте, под прошкинским приглядом, всю зиму на полу и проспал. А в марте, когда первые ручьи побежали, Прошка чуть ослабил свою лень, мишка проснулся, сытый, довольный, поблагодарил хозяев вежливым урчанием и тихонько ушел обратно в тайгу.

С тех пор в лесу установился строгий порядок: если какой медведь осенью заснуть не мог, он не по деревьям хулиганить шел, а тихонько ложился под окошко к Охотнику. Прошка с печи разок зевал, пускал волну дремоты — и ко-солапый тут же засыпал до самой весны прямо в сугробе. И все в тайге поняли: настоящая, правильная лень — это великая сила, которая может даже дикого зверя укротить и в лесу идеальный порядок навести!

Как Прошка Кикимору напугал

К концу зимы в избе Охотника воцарился такой покой, что пыль на подоконниках укладывалась по линейке, а паук в углу ленился плести паутину и просто развешивал ниточки для красоты. Но в один прекрасный день Охотник привез с дальнего лесного рынка подарок для дома — резное зеркало в раме из болотного дуба. Зеркало было красивое, да только вместе с ним в избу приехала незваная гостья — Кикимора Болотная по имени Акулина.

Акулина была ростом с кочергу, носила сарафан из сухой осоки, а характер имела суетливый и до ужаса чистоплотный. Едва выбравшись из зеркала, она оглядела горницу, всплеснула лапками-лягушками и закричала на всю избу:

— Батюшки-светы! Что за запуск? Что за сонная лощина? Пыль не выбита, половицы не скребены, мыши в подполе жирные ходят — непуганые! Ну-ка, подъем! Устрою я вам сейчас генеральную уборку в три захода!

Схватила Акулина веник и давай им махать так, что пыль столбом поднялась. Закрутилась по избе, ведрами гремит, тряпками шлепает, половицами скрипит.

Прошка на печи от такого шума проснулся, закашлялся от пыли и за сердце схватился. Его идеальный, ленивый уклад жизни, его сонная инженерия рушились на глазах! Часы-хо-

дики на стене от кикиморской суеты испугались и начали тикать в три раза быстрее, как сумасшедшие.

«Ну, зеленая, — насупился Прошка, — чистоту я уважаю, но суету в моем доме разводить не позволю. Будем принимать меры».

Слезать с печи Прошке было лень, поэтому он решил действовать дистанционно — своим фирменным методом «Абсолютного Замедления».

Кикимора Акулина как раз схватила большую половую тряпку, макнула ее в ведро и приготовилась тереть порог. Но стоило ей замахнуться, как Прошка за трубой сладко, со вкусом зевнул и потянулся.

В тот же миг воздух в избе стал густым, как черничный кисель. Акулина замахнулась тряпкой... да так и застыла в воздухе. Хочет лапкой двинуть — а лапка еле-еле, как в замедленном сне, опускается. Вода из ведра, которую она расплескала, вместо того чтобы разлететься по полу, лениво, капля за каплей, повисла в воздухе, словно стеклянные бусины.

— Это... что... за... де... ла-а-а? — протянула Акулина. Ее веселый, быстрый голосок от прошкинской лени растянулся так, будто завыл старый волк на луну.

— Уборка — дело хорошее, — медленно, с расстановкой ответил Прошка с печи. — Но спешка нужна только при ловле блох. А у нас в избе к каждому делу надо подходить с уважением. Пылинку — ее ведь сначала понять надо, куда она летит, зачем садится... Куда торопишься? Присядь. По-

ленись часок-другой.

Кикимора попробовала было разозлиться, но великое Прошкино спокойствие уже просочилось в ее сарафан из осоки. Осока обмякла, лапки у Акулины отяжелели. Тряпка плавно выпала из рук и тихонько легла на пол. Кикимора опустилась на лавку, глаза у нее начали слипаться, а в голове вместо мыслей о мытье окон поплыли ленивые болотные туманы и теплое урчание сытых жаб.

— Ох... как у вас... хорошо-о-о... — прошептала Акулина, сползая по лавке. — Никуда... бежать... не надо... Плы... завтра... помою... или через год...

Через пятнадцать минут Кикимора уже сладко спала на лавке, подложив под голову веник вместо подушки. Часы на стене выдохнули и снова начали тикать чинно и благородно. Расплескавшиеся капли воды лениво опустились на пол, образовав спокойную лужицу.

Когда Охотник вернулся домой, он застал идеальную картину: в избе тишина, чистота (то, что Кикимора успела убрать, блестело), а сама болотная гостья тихонько похрапывает в углу, зараженная вирусом Прошкиной лени.

Тимка-муравей, который наблюдал за этой битвой из инженерного любопытства, записал в свой блокнот: *«Прошкин закон замедления работает даже на болотных аномалиях. Суэта побеждена покоем»*.

Акулина в избе так и осталась жить. Но Прошка ее воспитал правильно. Теперь она убиралась строго по расписанию

— раз в месяц, да так тихо и не спеша, что одна комната у нее мылась по три дня. Зато качество было отменное, а в избе навсегда сохранился баланс: чистота — от Кикиморы, а тишина и великий, целебный покой — от мудрого Домового Прошки.

Ворона Клара доставку открыла

На самой старой, вековой сосне посреди тайги жила-была Ворона по имени Клара. Птица она была видная: перья глянцевые, клюв мощный, а главное — характер имела исключительно предприимчивый. Пока другие птицы просто так с ветки на ветку порхали да червяков считали, Клара изучала основы лесной экономики. Она твердо знала: в бизнесе главное — доставка и редкий товар.

Началось все с того, что Клара заметила: лесные жители постоянно чем-то недовольны. Белке вечно не хватает времени добежать до соседа за солью, Еж мается — тащить тяжелое яблоко на спине далеко, а кабан Борька вечно теряет свои любимые чесалки.

— Хаос! — каркнула Клара, поправляя на носу воображаемые очки.

Села она на сук и открыла первый в тайге *«Вороний Ломбард и Службу Быстрой Доставки Крыло-Экспресс»*.

Бизнес-план Клары был гениален и прост:

Если зверю срочно нужны были припасы, а зима на носу, он мог принести Кларе любую блестящую или полезную вещь (золотую пуговицу от купеческого кафтана, потерянную Макаром подкову или просто красивое стеклышко). Клара принимала вещь под залог и выдавала клиенту горсть

сушеных кедровых орехов или сухарь.

За умеренную плату (в две брусничные ягодки с километра) Клара бралась доставить любое письмо или легкий груз в любой конец тайги быстрее, чем Сорока успеет разнести сплетни.

Первым клиентом стал Заяц-Хвастун. Прибежал он к сосне, уши дрожат:

— Клара, выручай! Заспорил с Волком, что принесу ему кочан капусты из совхозного огорода за полчаса. А огород-то за рекой, мост сломан! Если проиграю — Волк меня съест. Возьми в залог мою счастливую заячью лапку (вернее, пучок шерсти от нее)!

— Шерсть не принимаю, — строго ответила Клара. — А вот те часы-ходики, что ты у Охотника на крыльце подобрал, давай сюда.

Заяц притащил старые часы. Клара взмахнула крыльями, взмыла над лесом, перелетела реку,хватила с огорода самый спелый кочан и ровно через пятнадцать минут сбросила его прямо к носу удивленного Волка. Заяц был спасен, а кукушка из заложенных часов теперь каждый час исправно куковала Кларе точное время для отчетов.

Через неделю «Крыло-Экспресс» гремел на всю тайгу. Клара летала не покладая крыльев:

Доставляла Белке свежие сплетни в письменном виде на бересте.

Носила Барсуку в нору целебные травы от радикулита.

Забирала у Водяного со дна озера старые монеты под залог сушеной рыбы.

Бизнес рос, и Клара поняла, что одной ей не справиться — крылья ломит, хвост отваливается. Нужен был партнер. И прилетела она к муравью Тимке — главному лесному инженеру.

— Тимка, — официально заявила Клара, приземлившись на его чертежный стол. — Моему предприятию нужно расширение. Мои крылья — это хорошо, но грузоподъемность хромает. Нужен транспорт!

Тимка подумал, покрутил в лапках линейку и согласился помочь. За два дня они разработали «**Аэро-Грузовик Кар-1**». Это была большая корзина из ивовых прутьев, к которой Тимка приладил четыре больших воздушных шара, надутых болотным газом. А тягловой силой выступала стая из двенадцати молодых ворон, которых Клара наняла за регулярную плату в виде отборного зерна.

Теперь «Крыло-Экспресс» мог перевозить даже тяжелые грузы! Они возили бобрам бревна для плотины, доставляли Медведю в берлогу целые бочки с медом, а Кикиморе Акулине привезли из города новую швабру с турбонаддувом.

Сорока, глядя на этот триумф, пыталась устроиться в компанию курьером, но Клара ее не взяла из-за низкой дисциплины и склонности к разглашению коммерческой тайны. Сорока только обиженно летала вокруг и кричала:

— Подумаешь, бизнес! Вот наступит зима, вороны улетят

на свалку к городу, и лопнет ваша доставка!

— Эх, Сорока, — укоризненно покачал головой Тимка-муравей. — У Клары стратегическое мышление. Мы уже заключили договор с Домовым Прошкой. Зимой, когда птицы будут отдыхать, Прошка запустит подземную санную доставку по мышинным норам под воздействием своей сонной магии — грузы будут скользить сами собой!

У Клары в ломбарде к зиме скопилась целая коллекция лесных сокровищ. Но она не была жадной — на Новый год птица устроила для всех зверей огромную благотворительную елку. Из запасов ломбарда она раздала зайцам теплые варежки, лосям — соль-лизунец, а Тимке подарила настоящее увеличительное стекло, которое нашла на уездной дороге.

Так Ворона Клара доказала всему лесу, что правильная организация, смекалка и честный бизнес могут превратить суровую тайгу в самое удобное и дружное место на земле, где никто не пропадет, если у него есть хотя бы две брусничные ягодки на доставку!

Ворона Клара и царь

Бизнес у Вороны Клары шел так ходко, что ее компания «Крыло-Экспресс» открыла уже три филиала: на Козьем болоте у Кикиморы, под косогором у Водяного и прямо в огороде у Охотника. Но однажды утром на заветную сосну прилетел не обычный клиент, а лихой царский сокол в позолоченном шлеме.

Приземлился он на сук, гордо выпятил грудь и объявил:
— Ворона Клара! Назначена ты указом самого царя Еремея Главным Экспресс-Курьером Государственной Важности. Царь требует тебя к себе в стольный град на секретный доклад! Дело не терпит отлагательств!

Клара клюв почистила, перья расправила, усадила сокола в корзину «Аэро-Грузовика» и полетела во дворец.

Царь Еремей встретил Клару в малом кабинете, где на стенах висели карты, а на столе остывал чай с таежной малиной. Рядом сидел Макар — Главный Советник по Смекалке, чертил что-то угольком на бересте.

— Дело у меня к тебе, Клара, государственной важности и строжайшей тайны, — шепотом начал царь. — Через три дня у заморского султана Багдада день рождения. По завету предков я должен отправить ему наш главный таежный подарок — бочонок редчайшего липового меда от диких пчел

с Синих скал. Но сухопутные дороги размыло дождями, а заморские пираты перекрыли речные пути. Если подарок не будет доставлен вовремя — случится международный скандал! Поможешь?

Клара поправила на носу свои невидимые очки, прикинула в уме расстояние, скорость ветра и грузоподъемность.

— Задача сложная, Ваше Величество. Обычные вороны до Багдада бочонок не дотащат — крылья отвалятся над пустыней. Но «Крыло-Экспресс» не знает слова «невозможно». Макар, подключай Тимку-муравья, нам нужна модернизация!

За одну ночь Тимка-муравей переоборудовал «Аэро-Грузовик Кар-1». Вместо обычных воздушных шаров он приладил к корзине огромный купол из тончайшего шелка, который подарил царь, а под куполом установил горелку на сосновой смоле. Получился настоящий маневренный дирижабль! А чтобы воронам-курьерам было легче лететь, Тимка прикрепил к бортам корзины два больших пропеллера из кленовых крылышек, соединенных педалями. Вороны летели в тепле, крутили лапками педали, а пропеллеры гнали дирижабль вперед пуще ветра.

На второй день Клара лично села за штурвал, погрузила царский бочонок меда и скомандовала: «От винта! От крыла!».

Полет был захватывающим!

Когда дирижабль летел над высокими скалами, на них по-

пытались напасть дикие горные орлы, нанятые заморскими шпионами. Но Клара не растерялась. Она открыла клапан горелки, пустила струю густого соснового дыма, и орлы, раскашлявшись, улетели ни с чем.

Над синим морем ветер начал сносить дирижабль к пиратским кораблям. Пираты уже навели свои пушки на веселую корзину. Но тут Клара вспомнила про Тимкин секретный рычаг — она сбросила вниз пустой мешок, болотный газ вспыхнул ярче солнца, и дирижабль взмыл высоко в облака, став невидимым для пушкарей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.